

□ Судьбы людские

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЛЕГЕНДЫ

Мальчишками мы спорили — настоящий ли негр-тенок в фильме «Цирк»? «Значоки» утверждали, что на его голове парик, на лице слои сажи. Потому и зубы сверкают. Недавно в московском кинотеатре «Иллюзион» вновь услышал эти разговоры. И захотелось узнать о судьбе маленького актера. Что стало с ним?

Хозяюшка московской квартиры, где я обычно останавливался, не ответила мне на этот вопрос. А она библиотечный работник, и люди ее профессии нередко знают то, что неведомо нам. Лишь через несколько дней утром прочитал ее записку. В ней, как обычно, указания по завтраку, просьба прогулять Кешу — ее любимую собаку. А в конце загадочная приписка: «Сегодня в нашей библиотеке — день поэзии. На нем будет... человек из легенды».

На трибуну вышел поэт с инакой кудрявых волос, густо тронутых седной. Мягкий голос очаровательно картавил звук «л». Жест маленькой ладошки скуп, но точен и к месту. И пылкий взгляд глаз с легким прищуром. В них и застенчивость, и сознание собственного достоинства.

На скромном планшете выставка его поэтических книг: «Россия. Африка», «В какой одежде ходили прежде», «Хроника левой руки», «Рождение ливня», «Взаимодействие», «Зимние ласточки», «Красная лилия», «Залив доброго начала».

Звучат стихи, посвященные бабушкам поэта — русской и американской и его «киномаме» — Л. П. Орловой. Так состоялось мое знакомство с московским поэтом Джемсом Паттерсоном, тем самым «негр-теном» из кинокартины «Цирк».

И сколько бы мы с ним ни говорили в тот вечер и на следующий день, разговор неизменно возвращался к личности Любови Петровны Орловой — объекту его поклонения и восхищения.

Его отец Ллойд Паттерсон приехал в Союз в начале тридцатых годов в составе группы прогрессивно настроенной американской молодежи. Влюбился в художницу Веру Аралову и навсегда остался в нашей стране. Стал боевым радиожурналистом; с первых дней войны нес вахту у радиомикрофона, рассказывая правду о войне слушателям передач из Москвы на английском языке.

Поначалу киносценарий «Цирка» выглядел мелодрамой. И режиссер Григорий

*читателем
пензенской
правды
с доброй
помощью
Д. Паттерсон*

Александров не горел желанием его ставить. Однако Орловой импонировала роль. Она регулярно брала уроки английского у Ллойда (их дачи в Выково были рядом). И однажды за домашним чаем, потчuya трехлетнего Джима, артистка робко сказала своему мужу:

— ... А что если у меня откроется «жуткая тайна»? Что если у меня будет такой вот черный малыш, — она взглядом указала на дующего в блюде Джима. Григорий Васильевич подхватил идею. И фильм приобрел интернациональную окраску, с чарующей финальной сценой перехода мальчика с рук на руки по ярусам цирка.

Много позже, когда Джим повзрослел, Орлова рассказывала ему, что на съемках «Цирка» не удавалась заключительная сцена. Александров требовал отточности каждой детали, но к вечеру артистка так уставала от дублей, что Джим казался ей пудовой ношей. Руки деревенели, и мозг сверлила одна мысль: лишь бы не уронить ребенка.

— Любовь Петровна, — говорит Джемс Ллойдович, — образец для подражания во всем. Английскому она выучилась настолько, что с Чарли Чаплиным общалась совершенно свободно. И великий комик видел в ней идеал женщины.

В Театре Моссовета был «стул Александрова». Он никогда не пустовал, если в спектакле была занята Орлова. Букет цветов — не-

ременный атрибут «стула». Они были в любое время года. Вручались по назначению, под занавес.

— Джемс Ллойдович, вы пишете воспоминания?

— Заготовки. В производстве Ленидата моя автобиографическая большая книга «Дыхание лиственницы». Проза. В ней глава о Любови Петровне. Перед ней я в неоплатном долгу...

«Долг» — вроде бы странен: «киносын» не ступил на стезю актера, а «киномаме» не проявляла рвения, чтобы осветить его светом рампы... За то и благодарен, что дружба не обросла нудным опекуном.

В предложениях сниматься недостатка не было. Он советовался с «киномамой». Всегда получал один ответ: «Думай сам». И он отказывался, боясь посредственной игрой вызвать недовольство своего кумира.

Джим стал моряком-подводником, офицером. Но восхождение вверх по служебной лестнице неожиданно оборвалось. Почти по Пушкину: «старик Светлов его заметил и, в гроб сходя, благословил». Морское начальство, скрепя сердце, отпустило Паттерсона на учебу в Литинститут по просьбе Михаила Светлова.

О его стихах Любовь Орлова впервые высказалась, когда Джима приняли в Союз писателей. Теперь она была уверена, что не нанесет ему ущерба ни похвалой, ни порицанием; он достиг гражданской зрелости.

Последнюю книгу он посвятил друзьям-морякам, с которыми бороздил океанские просторы и навек сроднился. Он так и пишет:

Нес вахту на мостике в ките ле флотском, случилось, бродил по родной стороне, но лучших друзей, чем на море Охотском, на дружной подлодке, не встретилось мне...

Много воды с тех пор утекло, но память о флотской семье в его сердце. И как вещественное доказательство — неизменная тельняшка. И под фраком, и под робой, в которой он мастерит подрамники, натягивает на них холщовую ткань для картин матери.

— Не верите в тельняшку? Пожалуйста, — расстегивает ворот рубахи. — Вот она, морская душа.

В. КИОНАЛОВ.

Москва — Сердобск.

На снимке: московский поэт Джемс Паттерсон.